ные рукописи только на том основании, что они поздние и церковнослужебные, мы забывали, что, переписанные, скажем, в XVIII—XIX вв в Печорском крае, они могли оказаться интересными для лингвиста, палеографа или историка музыки (нотные книги). При этом упускалось из виду и другое важное обстоятельство: собирание старинного рукописного материала, связанного с культом, помогает антирелигиозной работе. Оно лишает отсталую часть деревни и особенно начетчиков-старообрядцев важных средств в поддержании и в пропаганде отжившего религиозного мировоззрения.

Поэтому правильнее было бы на местах подбирать по возможности все рукописи культового содержания, а отсев производить в книгохранилище, после тщательного и всестороннего обследования их специалистами со стороны языка и палеографических данных. Сделать это во время поездки, даже в условиях комплексной экспедиции, с участием представителей смежных специальностей, не всегда представляется возможным прежде всего по отсутствию в пути на это достаточного времени. Скороспелый же осмотр никогда не гарантирует от серьезных промахов.

Практиковавшийся необоснованный отсев рукописного материала во время самого сбора заслуживает осуждения. На местах должны оставаться только не представляющие никакой ценности рукописи и то в исключительных случаях. Но и их надо обязательно брать на учет и кратко описывать. Надо всегда помнить, что, выезжая на место, мы приехали собирать не только отдельные рукописи, но и сведения о всей письменной культуре края в прошлом. Конечной задачей обследования определенного района должна быть сводка возможно более полных данных о прошлой письменной культуре края, ее особенностях и происхождении. В этом смысл собирательской работы на местах, а не только в одном сборе рукописного и печатного материала для пополнения своих хранилищ.

В связи с этим учет оставшегося на местах материала — это важная сторона собирательской работы. Учет — это забота о резерве для наших хранилищ, забота о сохранности несобранных рукописей и книг. Как же он проводится во время наших поездок? Стараясь как можно больше найти и приобрести рукописей и книг, мы иногда забывали записать почему-либо не попавшие к нам сейчас рукописи. Мы не заглядывали вперед, забывали, что если сейчас эта рукопись ускользнула из наших рук, то через некоторое время она может легко оказаться нашей. Я не могу, например, до сих пор простить себе одну такую оплошность. В 1935 г. в Старой Руссе я описывал рукописные материалы в городских хранилищах (музее, архиве и библиотеке), а вечером и в воскресенье посещал старообрядцев города и окружных селений. И вот в одном доме, в самом ли городе или в одном из соседних селений (они так близко были к городу), я сейчас не помню, я за несколько часов до отъезда в Ленинград обнаружил большую старообрядческую библиотеку книг и рукописей. Самого владельца в тот момент не было дома, а жена его, подведя меня к полке и разрешив посмотреть несколько книг, не позволила без мужа знакомиться со всем собранием. Помню, как сейчас, что эта библиотека содержала много интересного. Собираясь еще раз в 1935 г. побывать в Старой Руссе и понадеявшись на свою память, я легкомысленно не записал тогда ни имени владельца, ни номера дома, ни названия улицы. В Старую Руссу я потом так и не поехал, а когда вспомнил через несколько лет об этом собрании, то оказалось, что я забыл, где я его видел. Только помнил, что пробирался я к этому дому в тот вечер через овраг, но оврагов около Старой Руссы и в самом городе было несколько. Но вот в 1949 г. я приобрел в Усть-Цильме более 15 ценных рукописных книг XVI—XVII вв., своевременно зарегистрированных здесь